

ПРЕДИСЛОВИЕ,
в котором автор этой
необычной книги рассказывает,
что его привело
к уверенности в том,
что Призрак Оперы
действительно существовал

Призрак Оперы существовал на самом деле. Он не был, как считалось долгое время, выдумкой художников, суеверием директоров, плодом пылкого воображения девушек из кордебалета или рабочих сцены, уборщиц, билетеров и консьержей.

Да, он существовал во плоти, несмотря на то, что всеми силами стремился проявляться как настоящий призрак, тень.

Когда я только начал изучать архивы Национальной академии музыки¹, поразило меня удивительное совпадение явлений, приписываемых Призраку, и событий самой загадочной, самой фантастической из трагедий. И вскоре

¹ Национальная академия музыки и танца — такое официальное название носит Опера Гарнье, или Гранд-опера, театр, послуживший прообразом места действия романа. В театре действительно есть описанные в романе подземные туннели, а также подземный резервуар, где держат сомов (а вот озера в подвалах нет); персонажи и события романа имеют реальную подоплеку (прим. ред.).

я пришел к мысли, которая могла бы рационально объяснить мистические факты. Не более тридцати лет прошло с той поры, но даже сегодня не составляет труда найти в Опере весьма почтенных пожилых людей, в честности которых невозможно усомниться, живо помнящих таинственные и печальные обстоятельства похищения Кристины Даэ, исчезновения виконта де Шаньи и гибели его старшего брата графа Филиппа, чье тело было найдено на берегу подземного озера в подвалах Оперы. Но ни один из этих свидетелей до сих пор не верил, что эти ужасные события связаны с легендарным Призраком Оперы.

Правда медленно проникала в мой разум, ибо расследование мое на каждом шагу наталкивалось на события, которые на первый взгляд казались сверхъестественными. Не раз я был близок к тому, чтобы бросить это занятие, преследуя ускользающий образ. Но наступил момент, когда я был вознагражден, получив наконец доказательства того, что Призрак Оперы являлся чем-то более значительным, чем просто привидением.

В тот день я провел много часов за чтением «Мемуаров директора Оперы» — легкомысленной книги Моншармина, который всегда был чрезвычайно скептически настроен. За все время своего пребывания в Опере он так ничего и не понял в загадочном поведении Призрака, бесконечно высмеивая его. Однако именно этот писатель стал первой жертвой любопытной финансовой операции — так называемого волшебного конверта.

Отчаявшись что-либо раскопать, я покидал библиотеку, когда на лестничной площадке встретил достопочтенного администратора нашей Национальной академии. Он вел непринужденную беседу с маленьким, энергичным, франтовато одетым пожилым человеком, которого охотно представил мне. Господин администратор был в курсе моих исследований и того, с каким нетерпением и незна-

дежностью я пытался выяснить местонахождение следователя по знаменитому делу Шаньи, мсье Фор. Никто не знал, где он обосновался, жив или мертв. Оказывается, вернувшись из Канады, где провел пятнадцать лет, Фор первым делом приехал в Париж, намереваясь получить удобное кресло в секретариате Оперы. Этим маленьким старичком и был сам мсье Фор.

Мы провели вместе большую часть вечера, и он рассказал мне о деле Шаньи все, что знал. Из-за отсутствия доказательств ему пришлось сделать вывод о безумии виконта и случайной смерти старшего брата, но он по-прежнему сохранял уверенность, что между двумя братьями произошла ужасная драма из-за Кристины Даэ. Судьба девушки и виконта так и осталась для него загадкой. Когда я рассказал ему о Призраке, он, конечно, только рассмеялся. Мсье Фор был осведомлен о странных событиях, свидетельствующих о присутствии сверхъестественного существа в Опере. Он также знал историю «волшебного конверта», но не считал ее достойной внимания судьбы, расследующего дело Шаньи. Тем не менее он все же выслушал показания свидетеля, который явился добровольно, утверждая, что встречался с Призраком. Этот свидетель был ни кем иным, как личностью по прозвищу «Перс», известной всем завсегдатаям Оперы. Судья принял его за блаженного.

Естественно, я чрезвычайно заинтересовался Персом. Мне не терпелось найти, пока еще не поздно, этого ценного и удивительного свидетеля. Удача снова оказалась на моей стороне, и мне удалось обнаружить Перса на улице Риволи в маленькой квартирке, которую он почти не покидал и где впоследствии ему суждено было умереть через пять месяцев после моего визита.

Поначалу я был осторожен. Но когда Перс с детской откровенностью рассказал мне все, что он лично знал о При-

зраке, и предоставил мне доказательства его существования: занятную переписку Кристины Даэ — переписку, которая пролила свет на эти странные события, — я больше не мог сомневаться! Нет! Нет! Призрак не был мифом!

Разумеется, мне возражали, что эта переписка, скорее всего, не является подлинной и что ее мог сфабриковать человек, чье воображение, бесспорно, питалось фантастическими выдумками. Но, к счастью, мне удалось найти оригинал, написанный рукой Кристины, не входящий в пресловутую пачку писем, и благодаря сравнительному анализу обоих образцов почерка последние мои сомнения отпали.

Я также разузнал все, что сумел, о Персе и в результате признал в нем честного человека, не замешанного в каких-либо преступных махинациях.

Таково же мнение друзей семьи Шаньи, весьма порядочных людей, которые тоже оказались вовлечены в дело. Когда я выложил перед ними все документы и выводы, к которым пришел, то получил самую горячую поддержку, и позволю себе воспроизвести по этому поводу несколько строк, адресованных мне генералом Д.:

Уважаемый мсье!

Не считаю себя вправе обязывать Вас публиковать результаты Вашего расследования. Я прекрасно помню, что за несколько недель до исчезновения великой певицы Кристины Даэ и драмы, повергнувшей в печаль все предместье Сен-Жермен, танцовщицы в театре — да и все мы — постоянно говорили о Призраке. И я убежден, что загадка этого дела до сих пор будоражит многие умы. Но если возможно — а после беседы с Вами я поверил в это — объяснить роль Призрака в событиях этой драмы, я буду очень признателен Вам, мсье, услышав Вашу собственную версию.

Какой бы странной ни казалась на первый взгляд Ваша теория, все равно она представляется более логичной, нежели мрачные выдумки злобных людей о том, как два брата, которые обожали друг друга всю жизнь, разорвали один другого на куски...

Наконец, со всеми доказательствами на руках, я снова путешествовал по обширному владению Призрака, по зданию Оперы, из которого он сделал свою империю, и все, что видели мои глаза, все, что обнаруживал мой разум, прекрасно подтверждало свидетельства Перса. И удивительная находка окончательно вознаградила мой труд.

Напомню, что недавно, открыв подвал оперного театра, чтобы захоронить там голоса певцов в «капсулах времени»², рабочие обнаружили труп. Едва увидев его, я сразу же понял, что передо мной труп Призрака Оперы! Доказательство этому я собственноручно передал администратору, и теперь мне абсолютно безразлична трескотня газет о том, будто мы нашли там одну из жертв Коммуны.

Несчастных, которых убили во время Коммуны в подвалах Оперы, не хоронили на этой стороне. Я скажу вам, где можно найти их скелеты: далеко от этого огромного склепа, где во время осады хранились всевозможные запасы провианта. К захоронениям этих бедолаг меня привели именно поиски останков Призрака Оперы, которых я бы не нашел, если бы не удивительная случайность во время погребения «живых голосов»!

² Захоронение «живых голосов» ведущих певцов того времени на 24 граммофонных пластинках в двух свинцовых урнах — «капсулах времени» — состоялось в 1907 году в Париже в театре Гранд-опера. Через 100 лет, в 2007 году, записи были вскрыты, перезаписаны в цифровом формате и хранятся в Национальной библиотеке Франции (*прим. ред.*).

Но мы еще вернемся к этому трупу в нашем рассказе. Сейчас мне важно закончить это весьма необходимое предисловие, поблагодарив участников и очевидцев тех событий за неоценимую помощь: комиссара полиции мсье Мифруа (именно он вел предварительное расследование после исчезновения Кристины Даэ), бывшего секретаря мсье Реми, бывшего администратора мсье Мерсье, бывшего хормейстера мсье Габриэля. Особую признательность хочу выразить мадам баронессе де Кастело-Барбезак, которая когда-то была «маленькой Мэг» (и не краснеет от этого), — самой очаровательной звездочке нашего замечательного кордебалета, старшей дочери distinguished мадам Жири, ныне покойной билетерши, обслуживавшей ложу Призрака. Свидетельства этих людей оказались для меня полезным подспорьем, давшим возможность теперь мне — вместе с читателем — в мельчайших подробностях пережить те часы чистой любви и страха³.

³ Я был бы несправедлив, если бы не поблагодарил, предвзято эту ужасающую, но правдивую историю, нынешнее руководство Оперы, любезно оказавшее помощь в моих расследованиях, и особенно мсье Мессажера; а также чрезвычайно приветливого администратора мсье Габриона и весьма отзывчивого архитектора, ответственного за сохранность здания театра, — он без колебаний одолжил мне работы Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что я не верну их ему. Наконец, мне остается публично поблагодарить за щедрость моего друга и бывшего коллегу М. Ж. Ле Кроза, который позволил мне пользоваться его замечательной театральной библиотекой и предоставил уникальные издания, которыми он очень дорожил (*прим. автора*).

ГЛАВА I

Был ли это призрак?

В тот вечер, когда господа Дебьен и Полиньи — директора Оперы, уходящие в отставку, — устраивали по этому случаю торжественное представление, гримерная Ла Сорелли, одной из прима-балерин театра, внезапно оказалась заполненной полудюжиной девиц из кордебалета. Они только что покинули сцену, исполнив танец в «Полиевкте»⁴. Девушки ворвались в комнату в сильном замешательстве, перемежая чрезмерный неестественный смех с криками ужаса.

Ла Сорелли, желавшая уединиться на некоторое время, чтобы подготовить речь, которую она должна была произнести перед Дебьеном и Полиньи, с недовольным видом встретила их вторжение. В недоумении она повернулась к девицам, желая узнать причину такого возбуждения. Тогда маленькая Жамме — носик из тех, что так нравятся Гревену⁵, незабудковые глаза, розовые щечки, точеная шейка — изложила эту причину в двух словах дрожащим, срывающимся голосом:

— Там Призрак!

⁴ «Полиевкт» — опера Шарля Гуно по пьесе Пьера Корнеля «О святом Полиевкте». Впервые была поставлена 7 октября 1878 года (прим. кор.).

⁵ Альфред Гревен — французский скульптор, художник-карикатурист, иллюстратор и создатель театральных костюмов (прим. ред.).

И заперла дверь на ключ.

Уборная Ла Сорелли была обставлена с комфортом и безликой элегантностью. Здесь имелись большое зеркало, диван, туалетный столик и гардероб. Несколько гравюр украшали стены — в память о матери, которая знавала прекрасные дни старой Оперы на улице Ле Пелетье. Портреты Вестриса, де Гарделя, Дюпона, Биготтини. Эта гримерная казалась дворцом девочкам из кордебалета, которые размещались в общих комнатах, где они проводили все свое время, напевая, ссорясь, поколачивая парикмахеров и костюмеров и угощая друг друга маленькими стаканчиками черносмородиночного ликера, пива или даже рома, пока не зазвонит колокольчик, вызывающий их на сцену.

Суевренная Ла Сорелли, услышав, как юная Жамме говорит о Призраке, вздрогнула и пробормотала:

— Маленькая глупышка!

И поскольку она была в числе первых людей, которые верили в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, она сразу же захотела все выяснить.

— Ты его видела? — спросила она.

— Так же ясно, как тебя! — простонала маленькая Жамме и, не удержавшись на ногах, рухнула в кресло.

И миниатюрная Жири — глаза цвета чернослива, черные волосы, смуглая кожа, тонкая кость — добавила:

— Если это он, то какой же он уродливый!

— О да! — хором подхватили танцовщицы и защебетали все разом.

Призрак предстал перед ними как джентльмен в черной одежде, неожиданно возникнув посреди коридора. Его появление оказалось настолько внезапным, будто он вышел из стены.

— О! — заметила одна из девиц, которая сохраняла наибольшее самообладание. — Вы теперь повсюду видите призраков.

И это правда: в течение последних нескольких месяцев в Опере только и пересудов было, что о призраке в черном одеянии, который бродит, словно тень, по всему зданию, никому не говоря ни слова — да и с ним никто не осмеливался заговорить, — и исчезает, лишь только его заметят, неведомо куда и как. При этом он остается абсолютно бесшумным, как и подобает настоящему призраку. Несмотря на насмешки и шутки и в адрес привидения, и в адрес видевших его, легенда о Призраке становилась все более популярной, доходя до абсурда в кордебалете. Все девушки утверждали, что так или иначе встречались с этим сверхъестественным существом либо стали жертвами его злобных выходок. И даже те, кто смеялся над слухами громче всех, не испытывали на самом деле такой уж уверенности в своей безопасности. А когда призрака не видели, общее суеверие делало его ответственным за любые смешные или зловещие события. Несчастный ли случай, розыгрыш ли одной из девиц кордебалета, устроенный своей подруге, пропажа ли пуховки от пудры — во всем виноват призрак, Призрак Оперы!

Но положи руку на сердце — кто его видел? В Опере можно встретить множество мужчин в черных фраках, которые не являются привидениями. Однако у этого фрака имелась особенность, которой обладают не все черные одежды. Под ним находился скелет.

Так, по крайней мере, утверждали девицы.

И у него, разумеется, была мертвая голова.

Можно ли относиться к этому серьезно? В действительности идея скелета возникла из описания Призрака, сделанного Жозефом Бюке, главным рабочим сцены,

который и вправду видел его. Он столкнулся — ну не то чтобы «нос к носу», потому что у привидения носа не было — с таинственной фигурой на маленькой лестнице, которая вела от ramпы в подвал. И все, что он успел заметить за эту секунду — потому что Призрак тут же скрылся, — накрепко впечаталось рабочему в память.

И вот что рассказывал Жозеф Бюке о Призраке всем, кто соглашался его слушать:

— Он невероятно худ, и его черная одежда болтается на костях. Глаза настолько запали, что их невозможно различить. Видны только две большие черные дыры, словно на черепах мертвых. Его кожа натянута, как на барабане, и она не белая, а отвратительно желтая. А нос настолько мал, что он незаметен в профиль, и отсутствие этого носа — самая ужасная вещь, которую я видел. Из волос у него — только три или четыре длинных коричневых пряди на лбу и за ушами.

Жозеф Бюке попытался преследовать этого странного типа. Но тот исчез как по волшебству, совершенно бесследно.

Главный рабочий имел репутацию серьезного, рассудительного человека, лишённого воображения, и он был трезв. Его слова выслушали с изумлением и интересом, и тотчас же нашлись очевидцы, которые рассказали, что они тоже встречали черного человека с мертвой головой.

Здравый смысл подсказывал людям, прознавшим об этой истории, что Жозеф Бюке просто стал жертвой шутки одного из своих подчиненных. Однако затем начали происходить настолько любопытные и необъяснимые инциденты, что даже самые злые языки приумолкли.

Вот, к примеру, лейтенант пожарной охраны — смелый человек, как и все пожарные! Не боится ничего, в том числе огня!

И что ж? Лейтенант пожарной охраны, о котором идет речь⁶, отправился осмотреть подвал и, по-видимому, углубился немного дальше, чем обычно. Внезапно он появился возле сцены, бледный, испуганный, дрожащий, с глазами, вылезшими из орбит, и почти потерял сознание на руках достопочтенной матери маленькой Жамме. И почему? Потому что он увидел, как к нему двигалась на уровне глаз огненная голова без тела! И я повторяю — это лейтенант пожарной охраны, он не боится огня.

Этого лейтенанта звали Папен.

Весь кордебалет был потрясен. Прежде всего, эта огненная голова никоим образом не соответствовала описанию Призрака, которое дал Жозеф Бюке. Тщательно допросив пожарного, а потом еще раз главного рабочего сцены, девушки в результате пришли к убеждению, что у Призрака имеется несколько голов, которые он меняет по своему усмотрению. Естественно, они сразу же вообразили, что им грозит смертельная опасность. Если даже лейтенант пожарной охраны не удержался и упал в обморок, балерины и ученицы имели полное основание чувствовать ужас, заставлявший их бежать со всех ног, когда они проходили мимо темного угла в плохо освещенном коридоре.

Испытывая неодолимую потребность как-то защитить здание, где обитала потусторонняя сила, сама Сорелли в сопровождении танцовщиц и юных учениц в трико на следующий же день после рассказа лейтенанта пожарной охраны подошла к столу консьержа в вестибюле со стороны служебного входа и водрузила на него подкову. Теперь любой, кто входил в Оперу (это, конечно, не касалось зрителей), должен был дотронуться до этой подковы, прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Иначе он

⁶ Информация самая достоверная, непосредственно из уст мсье Педро Гайяра, бывшего директора Оперы (прим. автора).

рисковал стать жертвой темной силы, захватившей здание от подвалов до чердаков!

Указанную подкову — честное слово, я не выдумал ее, как и эту историю — вы и сейчас можете видеть на столе консьержа в вестибюле, если войдете в Оперу через служебный вход.

Итак, вы получили лучшее представление о душевном состоянии девиц из кордебалета в тот вечер, когда они ввалились в гримерную Ла Сорелли.

— Там Призрак! — повторила маленькая Жамме.

Беспокойство танцовщиц при этих словах возросло. Гомон прекратился, и теперь в уборной царила тревожная тишина. Слышался только звук прерывистого дыхания. И наконец Жамме в неподдельном испуге отбежала в самый дальний угол комнаты, пробормотав единственное слово:

— Послушайте!

И действительно — всем показалось, что за дверью послышался шорох. Не шаги, а будто скольжение легкого шелка по стене. И больше ничего. Ла Сорелли постаралась вести себя не столь малодушно, как ее спутницы. Она подошла к двери и спросила как можно спокойнее:

— Кто здесь?

Но ей никто не ответил.

Поэтому, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих, ловящие малейший ее жест, она собралась с духом и сказала очень громко:

— За дверью кто-нибудь есть?

— О! Да! Да! Определенно, за дверью кто-то есть! — воскликнула Мэг Жири, изо всех сил удерживая Сорелли за ее газовую юбку... — Главное, не открывай! Боже мой, не открывай!

Но Сорелли, вооруженная стилетом, с которым никогда не расставалась, набралась смелости повернуть ключ в замке и открыть дверь, в то время как танцовщицы отступили к туалетному столику, а Мэг Жири выдохнула:

— Мама! Мама!

Ла Сорелли отважно выглянула в коридор. Он был пустынен; лишь газовый фонарь, словно огненная бабочка в стеклянной темнице, отбрасывал тусклое красное свечение в окружающий мрак, не в силах рассеять его. И танцовщица решительно закрыла дверь с тяжелым вздохом.

— Нет, — сказала она, — никого нет!

— И все же мы хорошо его видели, — настаивала Жамме, мелкими боязливыми шажками возвращаясь к Ла Сорелли. — Должно быть, он бродит где-то там. Я не рискну возвращаться, чтобы переодеться. Нам следует сейчас спуститься всем вместе, ты произнесешь свою речь, а потом мы также все вместе поднимемся наверх.

При этом малышка благоговейно прикоснулась к миниатюрному коралловому оберегу в виде пальчика, который должен был защищать ее от злых чар. А Ла Сорелли обвела кончиком розового ногтя крест Святого Андрея на деревянном кольце, надетом на безымянный палец левой руки.

Ла Сорелли, — писал один известный обозреватель, — высокая, красивая танцовщица с серьезным и чувственным лицом, с гибким, как ветка ивы, станом; о ней обычно говорят, что она «прекрасное создание». Ее светлые, чистые, как золото, волосы венчают матовый лоб, под которым сияют изумрудные глаза. Ее голова поворачивается на длинной, как у цапли, шее, изящная и гордая. Когда она танцует, неуловимое движение бедер ее вызывает у зрителя невыразимое томление. Когда она поднимает руки, собираясь сделать пируэт, контуры бюста, изгиб

тали и все линии тела этой восхитительной женщины, кажется, разжигают в вас такое пламя, которое способно испепелить ваш разум.

Что же касается разума, то его, если честно, у нее было мало. Правда, этого от дивы и не требовалось.

Она снова обратилась к танцовщицам:

— Девочки, вам надо взять себя в руки!.. Призрак? Может, его никто никогда и не видел!..

— Неправда! Мы видели его!.. Видели только что! — перебили ее девицы. — У него была мертвая голова и тот же фрак, как в тот вечер, когда он появился перед Жозефом Бюке!

— И Габриэль тоже его видел! — встала Жамме. — ...Буквально вчера! Среди бела дня...

— Габриэль, хормейстер?

— Да! Разве ты об этом не слышала?

— И он был во фраке среди бела дня?

— Кто? Габриэль?

— Да нет же, Призрак.

— Конечно, он был во фраке! — подтвердила Жамме. — Об этом мне рассказал сам Габриэль... поэтому он его и узнал. Вот как это произошло. Габриэль находился в кабинете режиссера. Внезапно дверь распахнулась, и вошел Перс. Все знают, что у Перса дурной глаз.

— О да! — тут же хором подтвердили остальные танцовщицы, которые при одном только упоминании Перса делали «рожки» судьбе, выставляя мизинец и указательный палец и прижимая остальные пальцы к ладони.

— ...А Габриэль суеверен! — продолжала Жамме. — Однако он всегда вежлив и, увидев Перса, обычно довольствуется лишь тем, что просто кладет руку в карман и трогает ключи... Но не в этот раз! Вчера, едва Перс открыл дверь, Габриэль прыжком поднялся с кресла, в котором

сидел, и подбежал к шкафу, чтобы прикоснуться к железному замку на нем! Там он зацепился за гвоздь и порвал пальто. Торопясь выйти, он стукнулся лбом о вешалку и посадил себе огромную шишку; затем, резко отступив назад, он схватился рукой за ширму возле пианино и поцарапался; после он хотел опереться на пианино, но сделал это так неудачно, что крышка упала ему на руки, ударив прямо по пальцам. Наконец он выскочил из кабинета как сумасшедший, но так торопился, спускаясь по лестнице, что споткнулся и проехался по всем ступеням до первого этажа. Мы с мамой как раз проходили мимо и поспешили поднять его. Он был весь в синяках и в крови — мы так испугались! Но он тут же заулыбался и начал восклицать: «Слава тебе господи! Спасибо, что я отделался так легко!» Когда мы спросили его, что случилось, он объяснил нам причину своего ужаса. Оказывается, за спиной Перса он увидел Призрака! Призрака с черепом — как описывал Жозеф Бюке.

Испуганный шепот сопровождал конец этой истории, которую Жамме рассказывала так быстро, будто ее саму преследовал Призрак. Затем снова воцарилась тишина, которую прервала маленькая Мэг Жири, в то время как взволнованная Сорелли лихорадочно полировала ногти.

— Жозефу Бюке лучше было бы помолчать, — заметила смуглая Жири.

— С чего бы ему молчать? — спросила другая танцовщица.

— Так считает моя мама... — объяснила Мэг, на этот раз совсем тихо и оглядываясь по сторонам, словно боялась, что ее услышит кто-то еще, кроме присутствующих.

— Почему она так считает?

— Тихо! Мама говорит, что Призраку не нравится, когда его беспокоят!

— И почему она так говорит, твоя мать?

— Потому что... Потому что... Просто так...

Это явное умалчивание только подхлестнуло любопытство девиц, которые толпились вокруг маленькой Жири и теперь умоляли ее объясниться. Они жались друг к дружке, локоть к локтю, заражая одна другую суеверным страхом и получая от этого странное, леденящее кровь острое удовольствие.

— Я поклялась ничего не говорить! — снова выдохнула Мэг.

Но они не оставляли ее в покое и так убедительно обещали сохранить тайну, что Мэг, которая на самом деле сгорала от желания рассказать все, что ей известно, начала, уставившись на дверь:

— Все... это из-за ложи...

— Какой ложи?

— Ложи Призрака!

— У Призрака есть ложа?

При мысли о том, что у Призрака в Опере была своя ложа, у изумленных танцовщиц захватило дух. Они стали нетерпеливо подгонять Жири:

— О! Боже мой! Рассказывай... Рассказывай!..

— Потише! — скомандовала Мэг. — Это ложа номер пять, вы хорошо ее знаете, первая ложа слева после директорской.

— Не может быть!

— Все так, как я вам говорю... Моя мама работает билетершей и обслуживает эту ложу... Но вы должны поклясться, что ничего никому не скажете!

— О да, конечно!..

— Ну что ж... Это ложа Призрака! Никто не появлялся там больше месяца, кроме Призрака, и администрации было приказано никогда не сдавать ее...

— И это правда, что Призрак приходит туда?

— Да...

— Значит, там кто-то есть?

— Нет!.. Призрак приходит туда, но никто его там не видит.

Молоденькие танцовщицы посмотрели друг на друга. Если бы Призрак входил в ложу, его бы узнавали по черному фраку и мертвой голове.

Так они и сказали Мэг. Но, несмотря на их возражения, Мэг продолжала твердить то же самое:

— Нет! Призрака никто не может видеть! У него нет ни фрака, ни головы!.. Все, что говорят о его мертвой или огненной голове, — все это чушь! У него вообще ничего нет.. Его можно только слышать, когда он находится в гримерке. Мама никогда его не видела, но слышала. Она не ошибается, ведь именно она дает ему программку!

Ла Сорелли сочла необходимым вмешаться:

— Маленькая Жири, ты смеешься над нами?

Но Мэг Жири заплакала.

— Лучше бы я промолчала... Если мама когда-нибудь узнает об этом!.. Но Жозеф Бюке наверняка пожалеет, что болтает о вещах, которые его не касаются... Это принесет ему несчастье... Мама еще вчера вечером говорила об этом...

В этот момент в коридоре послышались тяжелые торопливые шаги, и запыхавшийся голос прокричал:

— Сесиль! Сесиль! Ты здесь?

— Это голос моей мамы! — прошептала Жамме. — Что случилось?

И она открыла дверь. Почтенная мадам, всем своим обликом напоминающая померанского гренадера, ввалилась в комнату и со стоном упала в кресло. Ее выпученные глаза закатились, лицо приобрело цвет обожженного кирпича.

— Какое несчастье! О, какое несчастье!

— Что за несчастье?

— Жозеф Бюке...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ, в котором автор этой необычной книги рассказывает, что его привело к уверенности в том, что Призрак Оперы действительно существовал.	3
Глава I. Был ли это призрак?	9
Глава II. Новая Маргарита	22
Глава III, в которой Дебьен и Полиньи открывают новым директорам Оперы Арману Моншармину и Фирмину Ришару подлинную и загадочную причину своего ухода из театра	36
Глава IV. Ложа № 5	46
Глава V. Ложа № 5 (продолжение)	57
Глава VI. Зачарованная скрипка	66
Глава VII. Визит в ложу № 5	91
Глава VIII, в которой Фирмин Ришар и Арман Моншармин осмелились дать представление «Фауста» в «проклятом» театре и в которой рассказывается, что из этого вышло	95
Глава IX. Загадочная карета	116
Глава X. На балу-маскараде	127
Глава XI. Забыть «мужской голос» вместе с его именем	142

Глава XII. Над люками	149
Глава XIII. Лира Аполлона	161
Глава XIV. Мастерский выстрел в любителя люков.	191
Глава XV. Странное приключение английской булавки	206
Глава XVI. «Кристина! Кристина!»	213
Глава XVII. Удивительные откровения мадам Жири, касающиеся ее личных отношений с Призраком Оперы	218
Глава XVIII. Продолжение истории о странном приключении английской булавки	233
Глава XIX. Полицейский, виконт и Перс	241
Глава XX. Виконт и Перс	249
Глава XXI. В подвалах Оперы.	258
Глава XXII. Интересные и поучительные зключения Перса в подвалах Оперы.	278
Глава XXIII. В камере пыток	298
Глава XXIV. Начинаются пытки	307
Глава XXV. «Бочки!.. Бочки!.. У вас есть бочки на продажу?»	315
Глава XXVI. «Повернуть скорпиона? Повернуть кузнечика?»	329
Глава XXVII. Конец любви Призрака.	340
ЭПИЛОГ	352